

Н. И. ДМИТРИЕВА, Е. К. КАРЕЛИНА

Детская школа искусств № 4, г. Улан-Удэ, Россия

Новосибирская государственная консерватория им. М.И. Глинки, г. Новосибирск, Россия

ORCID: 0000-0003-0323-7866

ORCID: 0000-0002-1927-2845

Детские музыкальные практики бурят и семейских Забайкалья как основа инкультурации этносов

Статья посвящена проблеме культурного взаимодействия бурят и семейских в сфере детского музыкального творчества. Буряты – коренной этнос Забайкалья, а семейские – старообрядцы, сосланные в XVIII веке в необжитые районы Сибири и ставшие русскими старожилыми региона.

В результате мировоззренческих особенностей и уклада жизни культура старообрядцев оставалась до начала XX века архаичной. В силу того, что семейские были вынуждены, осваивая новые земли, общаться с бурятами по территориальным и экономическим вопросам, происходили процессы познания и усвоения культур двух народов друг у друга.

Практики детского музыкального творчества развивались внутри традиционных культур бурят и семейских. К моменту прихода советской власти в Забайкалье некоторые формы музыкальных практик семейских применялись у детей бурят, и наоборот. Процесс обновления детских практик во многом обусловлен выдвиганием новых типов культуры в жизни народов Забайкалья, а также их переплетением с традиционной этнокультурой бурят и русских старожилов.

Наряду с научной литературой в статье используются свидетельства информантов и личные наблюдения над современными процессами в сфере детского музыкального творчества. Анализ детских музыкальных практик помогает понять процесс взаимодействия культур бурят и семейских, их обусловленность разными типами культуры. Выделение детских музыкальных практик в отдельную систему в контексте культуры семейских и бурят будет способствовать поиску оптимальных современных культурно-педагогических подходов в сфере детского музыкального творчества.

Ключевые слова: Забайкалье, семейские, буряты, взаимодействие культур, детские музыкальные практики, инкультурация этносов.

Для цитирования / For citation: Н.И. Дмитриева, Е.К. Карелина. Детские музыкальные практики бурят и семейских Забайкалья как основа инкультурации этносов // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2021. № 3. С. 138–147. DOI: 10.17674/1997-0854.2021.3.138-147

NATALIIA I. DMITRIEVA, EKATERINA K. KARELINA

Ulan-Ude Children Art School N4, the Republic of Buryatia, Russia

Novosibirsk State M.I. Glinka Conservatoire, Novosibirsk, Russia

ORCID: 0000-0003-0323-7866

ORCID: 0000-0002-1927-2845

Children's Music Practices of Buryats and Semeyskys of Transbaikalia as a Basis for the Inculturation of Ethnic groups

The article is devoted to the problem of cultural interaction between Buryats and Semeyskys in the field of children's musical creativity. Buryats are the indigenous ethnic group of Transbaikalia. Semeyskys are Old Believers who were exiled in the XVIII century to the uninhabited regions of Siberia and became Russian old-timers of the region. The culture of the Old Believers remained archaic until the beginning of the XX century as a result of ideological features and way of life. Semeyskys were forced, while developing new lands, to communicate with the Buryats on territorial and economic issues. So, the processes of cognition and assimilation of the cultures of the two peoples from each other took place.

The practices of children's musical creativity developed within the traditional cultures of the Buryats and Semeyskys. Some forms of Semeysky's musical practices were used in Buryat children and vice versa, to the time of the arrival of Soviet power in Transbaikalia. The process of updating children's practices is largely due to the promotion of new types of culture in the life of the peoples of Transbaikalia, as well as their intertwining with the traditional ethnic culture of the Buryats and Russian old-timers.

The article is based on scientific literature, as well as the testimonies of informants and personal observations on modern processes in the field of children's musical creativity. The analysis of children's musical practices helps to understand the process of interaction between the Buryat and Semeyskys cultures, their conditionality with different types of culture. The separation of children's musical practices into a separate system in the context of the culture of the Semeyskys and Buryats will contribute to the search for optimal modern cultural and pedagogical approaches in the field of children's musical creativity.

Keywords: Transbaikalia, Semeyskys, Buryats, interaction of cultures, children's music practices, inculturation of ethnic groups.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Предпосылкой межкультурного взаимодействия старообрядцев и бурят явились исторические события 60-х гг. XVIII века – период переселения старообрядцев (семейских) на территорию Забайкалья. Семейские были вынуждены, осваивая новые земли, общаться с бурятами по территориальным и

экономическим вопросам. О.В. Бураева подробно описывает этнокультурное взаимодействие русских и бурят в XVII–XIX веках [4], выделяя формы взаимодействия в хозяйственной сфере (земледелие, скотоводство, промыслы, ремёсла), в материальной культуре (жилище, пища, одежда), в духовной культуре (принятие православия бурятами и, как следствие, возможность вступления в брак с русскими, верования и обряды). Важное значение для

межэтнической коммуникации приобрело знание языка, и, как отмечает исследователь, «бурятский язык оказывал более сильное влияние на лексику говоров русских старожилов, чем последние на язык бурят» [4, с. 49]. Это было обусловлено и тем, что на новом месте проживания семейские были вынуждены учить названия растений, животных, местности, понятия предметов быта и т.п., а также тем, что их численность была гораздо меньше, чем численность коренного населения.

Культурные традиции семейских и бурят подчинялись канонам своего общественного строя и духовного развития. Основой детской музыкальной культуры являлось творчество взрослых, в то же время собственно детское творчество имело вполне самостоятельное значение в обрядах или праздниках, которые служили детям каналом передачи нравственных устоев общества, его истории, преданий и т. п.

Применяемый в статье культурологический подход к определению понятия культурных практик детского музыкального творчества позволяет рассмотреть его сущность через призму бытия ребёнка в пространстве музыкальной культуры. Каждому типу культуры (мы придерживаемся модели, предложенной А.В. Костиной [10]¹), присущи свои формы детских музыкальных практик, овладевая которыми, ребёнок трансформирует их в своём сознании, применяя для самоопределения или социализации. В статье предпринята попытка выявления процессов взаимодействия культур на материале детских музыкальных практик бурят и семейских Забайкалья. Необходимо констатировать факт слабой степени их изученности, особенно в аспекте исторического развития и сопоставления.

Одной из ранних практик детского фольклора семейских (как и у многих других народов) являлись колыбельные песни и различные потешки. Исполнителями этих жанров были взрослые, а хранителями – дети, в основном девочки, поскольку позже на них ложилась ответственность за воспитание будущего поколения.

Поскольку культура семейских была основана на строгих правилах религиозного и трудового воспитания, введение в мир религии происходило с раннего возраста через молитвы, чтение, духовное пение. С полутора лет детей приучали к молитвам, с пяти лет – к «Отче наш», с семнадцати – к полным «требам». Смысл и содержание молитв осознавались детьми позднее в разговорах со старшими, беседах в церкви, чтении религиозных книг. Совместные моления дома в кругу семьи, в церкви помогали процессу социализации. В 9–10 лет мальчиков, реже девочек, учили церковно-славянской грамоте у уставщиков и начётчиков. Характерной чертой семейских являлась яркая музыкальность, развитый музыкальный слух: дети выучивали огромное количество псалмов, молитв, приучались читать и петь на клиресе в церкви.

Строгий религиозный устав вносил свои коррективы в некоторые праздничные формы быта. Например, вместо традиционного колядования на Рождество у семейских ходили по домам с пением молитв. В первой партии шли мальчики 12–15 лет, старшим назначался лучший запевала. Один из вариантов святочных гуляний описан у Ф.Ф. Болонева со слов В.Н. Исаевой из с. Новосретинск Бичурского района: «У нас девчонки на святках наряжаются в вывернутые шубы, изображая медведя на коню, голову которого рисуют и привяжут к палке, вода кобылку, цыганят, пляшут» [3, с. 25]. Подобная

традиция сохранилась с языческих времён, у семейских это называлось «машкарадить», «цыганить». Так, дети являлись коллективом людей, совершающим магический обряд, который должен вызвать желаемое в будущем.

До 10–12 лет у детей семейских был свой распорядок жизни с ранней весны до поздней осени: они помогали взрослым по дому, собирали багульник, сарану (саранки), во время походов в лес делали дудки для «свиристелок» [7, с. 29]. В свободное время играли. Игры делились на зимние и летние, игры на воздухе и в помещении: игра в «бабки, городки, коршуна, чёртика, в ворота, купание, в кони» и т. п., зимой – катание на горках-катушках, игра в снежки. Большинство игр сопровождалось пением и разными приговорами, присказками, пословицами, поговорками. Эти малые формы детского фольклора отражали социально-исторический опыт народа и использовались ещё в одном виде развлечений – сказках и преданиях о старине, которые рассказывали их бабушки и деды.

С 10–12 лет семейские начинали приобщаться к взрослой обрядности. Примером служат свадебные обряды, начальный этап которых (от знакомства до сватовства) мог длиться до 3-х лет. Выходили замуж в 15–16 лет и женились в 17–18 лет. Все этапы свадебного обряда сопровождалось своим набором культурно-музыкальных практик – ритуалов и обычаев, в которых участвовали дети-подростки.

Ко времени появления старообрядцев в Забайкалье у бурят сформировались свои этномузыкальные традиции. Пример ранней социализации – родинный обряд *улгыдэ оруулха*, который проводили на третий день после рождения. В нём участвовали не только взрослые – близкие родственники, роженица, шаман, но и дети 3–5 лет [6, с. 256].

Выделяют следующие жанры детского фольклора бурят: «*улгын дуунууд*» (колыбельные песни), «*зугаа угэнууд*» (заклички и приговорки), «*жороо угэнууд*» (скороговорки), «*таабаринууд*» (загадки), «*оньһон ба хошоо угэнууд*» (пословицы и поговорки), «*тоолуурнууд*» (считалки), «*ульгэрнууд*» (улигеры) [1, с. 7]. В традиционном обществе бурят свадьбы между несовершеннолетними считались естественными, причем жених мог быть значительно моложе невесты². Свадебные обряды включали в себя различные песенно-танцевальные жанры.

В приобщении ребёнка к фольклорным традициям доминантная роль отводилась воспитанию мальчиков. В эпических текстах неоднократно звучала мысль о том, что герой ещё малолетний – не окрепший, не возмужавший, и одновременно указывалось на то, что мальчиков с детства (с 3–5 лет) сажали на коня и начинался процесс введения их в культуру скотовода, охотника, воина.

Древнейшим жанром, сконцентрировавшим в себе характерные черты фольклорного отображения действительности, являлся *улигер*³. По представлениям бурят, сказывание сказок и улигеров являлось одним из условий успеха в охотничьем промысле. Охота была преобладающим традиционным видом занятий у бурят до XVII века, т. е. до прихода русских на территорию Забайкалья. Известно, что охотники брали с собой в тайгу улигершина, который за исполнение сказок и улигеров получал долю добычи. Нередко сами охотники были искусными сказочниками. Кроме охотничьих умений необходимо было овладеть навыками игры на музыкальном инструменте или искусством сказителя, что прививалось с детства. Улигер – жанр, представляющий древнейший пласт народной поэтической культуры бурят, но и он не устоял под давлением

новых социо-культурных условий конца XVII–XVIII веков⁴. К концу XIX века улигеры уступают место более лаконичным, но не менее интересным жанрам – сказкам, преданиям и легендам. Ныне с целью возрождения традиций сказительства с 2011 г. проводится Республиканский фестиваль-конкурс юных улигершинов, онтохошинов и исполнителей одической поэзии «*Угайм эрдэни – Драгоценность моих предков*».

Общественные и культурные связи между бурятами и семейскими привели к заимствованию в малых жанрах бурятского фольклора – поговорках, пословицах, загадках. Перенимая изречения из русского фольклора, буряты сохраняли основную мысль, но вносили незначительные структурные или национальные черты. Так, например, русская пословица «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» звучит у бурят в разных вариантах: «*Зуун тухэригтэй байнхаар, зуун нухэртэй байхан дээрэ*» = «Чем иметь сто рублей, лучше иметь сто друзей»; «*Олон малтай ябанхаар, олон нухэдтэй ябанхан дээрэ*» = «Чем иметь много скота, лучше иметь много друзей». В этом примере при сохранении основного значения отражены элементы хозяйственной (скотоводческой) жизни бурят [2, с. 31].

Более поздние по происхождению бурятские колыбельные песни включали в себя не только архаичные мотивы, но и слова-заимствования из русского языка, например, припевка «баю-баю» – «*бүүбэй*»: *Бүүбэй, бүүбэй, бүүбэй дээ, / Бүүбэйн абань гэрэтээ. / Тагдагар шар нохойнь хаяадаа...* = Баю-баю-баюшки, / Папка наш теперь уж дома. / Пёс лохматый у порога... [8, с. 57].

Рассуждать о целой системе заимствований в музыкальном фольклоре, пожалуй, неправомерно – речь пойдёт о близких чертах, которые отметила музыковед

Н.Ц. Цибудеева: приём поэтического параллелизма; проявление в музыкальном языке бурятских песен параллельной мажоро-минорной переменности (весьма характерной и для русской песенности); нередкие случаи «пары периодичностей по типу русского фольклора $a^1 a^2 b^1 b^2$ » [12, с. 570–571]. Можно предположить, что близкие структурно-типологические элементы песенного языка на уровне музыкального мышления создают объективные предпосылки для этнокультурного взаимодействия.

Особое значение в традиционной обрядности бурят всегда имел круговой танец (бур. *ёохор*). До сих пор все современные свадебные торжества завершаются им и пением ёхорных песен. Символически исполнением ёхора закрепляется союз двух родов [6, с. 299–300]. При этом ёхор стал культурным феноменом, объединяющим не только бурят, но также всех жителей Республики Бурятия, более того – символом региона, активно используемым в современном туристическом брендинге территории вокруг озера Байкал. Дети и молодежь являются непременными участниками ёхора.

Важнейшим средством межкультурных коммуникаций является образование – сфера, объединяющая все этносы и народы, проживающие в Республике Бурятия. Особое место в ней занимает художественное (и музыкальное в том числе) образование, в рамках которого дети – представители коренного этноса (буряты) и потомки русских старожилов (среди которых много имеющих семейские корни) имеют широкие возможности для этнокультурных контактов, что ведёт к естественному взаимовлиянию детских культурных практик.

О деятельности детского фольклорного ансамбля «Черпачок» рассказывает его руководитель С.Р. Чебунин: «Нас при-

глашали, чтоб своих детей научить... посмотрите, как в России дети поют на пять музыкальных партий. То есть семейский фольклор, он уникальный, очень сложный... всё на диссонансах... Прибаутки в детском саду я ещё использую с младшими группами, а взрослым детям говорю – сразу привыкайте петь взрослое – то, что мои родители когда-то пели, бабушки, дедушки...»⁵. В своей работе с детьми дошкольного возраста С.Р. Чебунин на занятиях не делает различий (т. е. русские поют бурятские песни, а буряты – семейские), отмечая, что это способствует этнической идентификации («буряты уже ничего не говорят по-бурятски, а я в песнях хотя бы учу...»)⁶, при этом очевидно, что совместное пение бурятских песен, семейских напевов приводит к взаимообогащению культур.

Открытие в музыкальных школах Республики Бурятия, Домах культуры, Домах творчества классов русских народных инструментов, затем, в 1960-е годы, – бурятских народных инструментов свидетельствует о масштабном обучении детей независимо от их этнической принадлежности. В течение последнего десятилетия наблюдается практика создания ансамблей (дуэтов, трио) и оркестров смешанных составов. Так, например, к 50-летию ДШИ № 4 им. Ю. Ирдынеева г. Улан-Удэ в 2016 году были сделаны переложения партий бурятских народных инструментов для русских инструментов, в результате чего два школьных оркестра совместно исполнили произведения на бурятские темы – «Танец чабанов» А. Прибылова и «Биелгэ» (Приветственный танец)⁶. Подобные сочетания тембров создают своеобразное звучание и привлекают детей, играющих на разных русских и бурятских инструментах, к совместному творчеству.

Межнациональное взаимодействие осуществляется ныне также в рамках раз-

личных культурных акций – например, отметим этнофестиваль народов Бурятии «Караван дружбы», проводимый в Этнографическом музее народов Забайкалья, особо – Международный этнокультурный фестиваль «Ёрдынские игры»⁷, завершающийся массовым ёхором всех участников. Наблюдающие этот фестиваль польские этнографы отметили, в частности, следующее: «... большинство выступлений было на русском языке, исполнялись популярные русские песни. В 2000 году рядом с бурятскими девушками, приветствовавшими гостей чашей белого молока на традиционном синем поясе, были также девушки, которые приветствовали гостей славянским хлебом и солью» [13, с. 202].

Диалектика такова, что, с одной стороны, процесс взаимовлияния культур подспудно продолжается, а с другой – исследователи отмечают необходимость изучения этнических культур ради их сохранения в связи с благотворным влиянием этнических ценностей на нравственный климат общества [9, с. 415]. Проведённые встречи и беседы с информантами (семейскими в с. Тарбагатай Тарбагатайского района Республики Бурятия), а также личные наблюдения за современным состоянием детских музыкальных практик в регионе (в том числе на основе собственной педагогической работы в детской школе искусств) подтверждают вышесказанное.

Несомненно, что сохранение своеобразия этнических и национальных традиций народов Забайкалья является актуальной задачей современной культурной и национальной политики нашего государства. Анализ культурных практик и их сопоставление позволяет наглядно продемонстрировать процессы культурных контактов семейских Забайкалья и бурят в сфере детского музыкального творчества. Процесс обновления детских практик во

многим обусловлен выдвиганием национального, массового типов культуры в жизни народов Забайкалья, либо их переплетением с традиционной этнокультурой бурят и русских старожилов.

Мы полагаем, что одной из важнейших функций детских культурных практик является функция инкультурации и взаимодействия между культурами предста-

вителей разных этносов Забайкалья, что требует продолжения начатого исследования. Выделение детских музыкальных практик в отдельную систему в контексте культуры семейских и бурят также будет способствовать поиску оптимальных современных культурно-педагогических подходов в сфере детского музыкального творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А.В. Костина выделяет три типа культур: этническая (традиционная), национальная (общегосударственная) и массовая (глобальная) [10].

² М.Н. Хангалов описывает позицию родителей в отношении брака детей: «У бурят в обычае... устраивать сватовство и уплачивать калым, когда жених и невеста ещё совершенные дети; часто также бывает, что, по каким-нибудь расчётам, мальчика лет 5–7 женят на 18–20-летней девушке» [11, с. 162].

³ Этот жанр был наиболее распространённым в силу своей масштабности, способности объединять большие массы людей. Обычно исполнение улигеров приурочивалось к какому-либо общественному событию: перед походом, накануне охоты и на охоте, во время ловли рыбы – что должно было способствовать успеху задуманного предприятия. Слушание улигеров органично входило и в духовно-обрядовый комплекс древнего коллектива, во время праздников, родинных, свадебных обрядов.

⁴ Мы находим подтверждение этому факту в тексте улигера «Аламжи – Мэргэн», в частности: «Тридцать три базара... триста новых лавок... (Гушин гурбан базараа... Гурбан зуунхан алаабхин)» – речь идёт о «рынке со множеством торговых рядов» и воссоздании бытовых реалий сибирской действительности XVIII–XIX вв.; «Все буряты осудят меня... (Зонхон буряад хэлсэхэл)» – использованное сказителем сочетание «все

буряты» имеет смысл «весь народ», что свидетельствует о зарождающемся национальном самосознании, которое складывается в пору объединения бурятских племён в XVII–XIX вв. На это указывает в своих комментариях к тексту М.И. Тулохонов [5, с. 282–300].

⁵ Беседа с С.Р. Чебуниным, 29.08.2021 г. (аудиозапись) // Личный архив Н.И. Дмитриевой. Справка: Сергей Родионович Чебунин, 1966 г. р. – уроженец с. Тарбагатай (Республика Бурятия), потомок староверов, переселившихся при Екатерине II, хормейстер Тарбагатайского народного этнографического ансамбля «Судьбинуска», заслуженный работник культуры Республики Бурятия, лауреат Государственной премии «Душа России», в 1991–2006 гг. руководитель детского фольклорного ансамбля «Черпачок» с. Тарбагатай, сейчас работает в детском саду с. Вахмистрово.

⁶ Преподаватель Улан-Удэнской ДШИ № 4 Л.Д. Доржиева пояснила, что для смешанного оркестра ею были расписаны музыкальные партии на основе совпадения тембров: балалайка – ятага, домра – чанзы и т.д. (Беседа с Доржиевой Л.Д., 01.09.2021 г. (аудиозапись) // Личный архив Н.И. Дмитриевой).

⁷ Ёрдынские игры проводятся с 2011 года. Это всеобщий праздник с песенно-танцевальными и спортивными состязаниями для взрослых и детей, своеобразная Олимпиада народов Евразии. В 2013 г. Ёрдынские игры вошли в календарь мероприятий ЮНЕСКО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадмацыренова Ц.Б. Детский фольклор бурят: жанрово-тематическое своеобразие: автореф. дисс. ... канд. фил. наук (10.01.09 – Фольклористика). Улан-Удэ, 2005. 21 с.
2. Бардаханова С.С. Малые жанры бурятского фольклора. Пословицы, загадки, благопожелания. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1982. 208 с.
3. Болонев Ф.Ф. Месяцеслов семейских Забайкалья (Праздники в числах). Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. 76 с.
4. Бураева О.В. Межкультурное взаимодействие этносов Байкальского региона (XVII – начало XX в.): автореф. дисс. ... док. ист. наук (07.00.07 – Этнография, этнология и антропология). Улан-Удэ, 2005. 58 с.
5. Бурятский героический эпос / сост. М.И. Тулохонов. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 312 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
6. Дашиева Л.Д. Обрядовая песенная традиция западных бурят: научное исследование / отв. ред. С.П. Галицкая. Иркутск: Оттиск, 2017. 448 с.
7. Дорофеев Н.И. Русские народные песни Забайкалья. Семейский распев. М.: Советский композитор, 1989. 456 с.
8. Дугаров Д.С. Бурятские народные песни. Песни селенгинских бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1969. 342 с.
9. Кондратьева В.В. Создание модели межкультурного взаимодействия на примере Дома Дружбы народов Республики Бурятия // Байкальские встречи–VIII: историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 11–13 сентября 2014 г., Республика Бурятия, г. Улан-Удэ – оз. Байкал. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2014. С. 410–415.
10. Костина А.В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. 216 с.
11. Хангалов М.Н. Юридические обычаи у бурят // Хангалов М.Н. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1 / под ред. Г.Н. Румянцева. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. С. 133–168.
12. Цибудеева Н. К вопросу о сохранении фольклорного наследия на примере антологии бурятской песни «Зандан Эрхи» («Сандаловые чётки») // Байкальские встречи–VIII: историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 11–13 сентября 2014 г., Республика Бурятия, г. Улан-Удэ – оз. Байкал. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2014. С. 565–572.
13. Głowacka-Grajper M., Nowicka E., Połec W. Performing ethnicity, celebrating multiculturalism. The ethno-cultural festival Yord Games in the conflict between “indigenous Buryat traditions” and “Eurasian unity” // Etnografia Polska. 2016. No. 60(1–2). P. 191–207. Режим доступа: <https://rcin.org.pl/dlibra/publication/81483/edition/61770/content?ref=struct> (03.09.2021).

Об авторах:

Дмитриева Наталия Ивановна, заместитель директора, преподаватель музыкально-теоретических дисциплин Детской школы искусств № 4 г. Улан-Удэ (670000, Улан-Удэ, Россия), **ORCID: 0000-0003-0323-7866**, enidmitrieva@mail.ru

Карелина Екатерина Константиновна, доктор искусствоведения, профессор кафедры музыкального образования и просвещения Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки (630099, Новосибирск, Россия), **ORCID: 0000-0002-1927-2845**, ye_karelina@mail.ru

REFERENCES

1. Badmatsyrenova Ts.B. *Detskiy fol'klor buryat: zhanrovo-tematicheskoe svoeobrazie: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk* [Children's folklore of the Buryats: Genre-Thematic Originality. Thesis of Dissertation for the Degree of Philological Sciences]. Ulan-Ude, 2005. 21 p.
2. Bardakhanova S.S. *Malye zhanry buryatskogo fol'klora. Poslovitsy, zagadki, blagopozhelaniya* [Small Genres of Buryat Folklore: Proverbs, Riddles, Good Wishes]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982. 208 p.
3. Bolonev F.F. *Mesyatseslov semeyskikh Zabaykal'ya (Prazdniki v chislakh)* [The Month's Dictionary of Semeyskiye in Zabaikal'ye (Holidays in Numbers)]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990. 76 p.
4. Buraeva O.V. *Mezhkul'turnoe vzaimodeystvie etnosov Baykal'skogo regiona (XVII – nachalo XX v.): avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk* [Intercultural Interaction of Ethnic Groups of the Baikal Region (XVII – Early XX Century). Thesis of Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences]. Ulan-Ude, 2005. 58 p.
5. *Buryatskiy geroicheskiy epos* [Buryat Heroic Epic]. Compiled by M.I. Tulokhonov. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie, 1991. 312 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka).
6. Dashieva L.D. *Obryadovaya pesennaya traditsiya zapadnykh buryat: nauchnoe issledovanie* [Ritual Song Tradition of the Western Buryats: Scientific Research]. Executive editor S.P. Galitskaya. Irkutsk: Ottisk, 2017. 448 p.
7. Dorofeev N.I. *Russkie narodnye pesni Zabaykal'ya. Semeyskiy raspev* [Russian Folk Songs of Transbaikalia. Semey Chant]. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1989. 456 p.
8. Dugarov D.S. *Buryatskie narodnye pesni. Pesni selenginskikh buryat* [Buryat Folk Songs. Songs of the Selenginsky Buryats]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. 342 p.
9. Kondrat'eva V.V. *Sozdanie modeli mezhkul'turnogo vzaimodeystviya na primere Doma Druzhby narodov Respubliki Buryatiya* [Creating a Model of Intercultural Interaction on the Example of the House of Friendship of Peoples of the Republic of Buryatia]. *Baykal'skie vstrechi–VIII: istoriko-kul'turnoe nasledie regiona kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 11–13 sentyabrya 2014 goda, Respublika Buryatiya, Ulan-Ude – ozero Baykal* [Baikal Meetings-VIII: Historical and Cultural Heritage of the Region as a Factor of Socio-Economic Development: Materials of the International Scientific and Practical Conference, September 11–13, 2014, Republic of Buryatia, city of Ulan-Ude – Lake Baikal]. Ulan-Ude: VSGAKI, 2014, pp. 410–415.
10. Kostina A.V. *Natsional'naya kul'tura – etnicheskaya kul'tura – massovaya kul'tura: «Balans interesov» v sovremennom obshchestve* [National Culture – Ethnic Culture – Mass Culture: the “Balance of Interests” in Modern Society]. M.: LIBROKOM, 2016. 216 p.
11. Khangalov M.N. *Yuridicheskie obychai u buryat* [The law customs of the Buryats]. *Khangalov M.N. Sobranie sochineniy. V 3 tomakh. Tom 1* [M.N. Khangalov. Collected Works. In 3 volumes. Volume 1]. Edited by G.N. Rumyantsev. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2004, pp. 133–168.
12. Tsubudeeva N.K. *voprosu o sokhraneni fol'klornogo naslediya na primere antologii buryatskoy pesni «Zandan Erkhi» («Sandalovye chetki»)* [On the Issue of Preserving the Folklore Heritage on the Example of the anthology of the Buryat Song “Zandan Erhi” (“Sandalwood Rosary”)]. *Baykal'skie vstrechi–VIII: istoriko-kul'turnoe nasledie regiona kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 11–13 sentyabrya 2014 goda,*

Respublika Buryatiya, Ulan-Ude – ozero Baykal [Baikal Meetings-VIII: Historical and Cultural Heritage of the Region as a Factor of Socio-Economic Development: Materials of the International Scientific and Practical Conference, September 11–13, 2014, Republic of Buryatia, city of Ulan-Ude – Lake Baikal]. Ulan-Ude: VSGAKI, 2014, pp. 565–572.

13. Głowacka-Grajper M., Nowicka E., Połec W. Performing ethnicity, celebrating multiculturalism. The ethno-cultural festival Yord Games in the conflict between “indigenous Buryat traditions” and “Eurasian unity”. *Etnografia Polska*. 2016. No. 60 (1–2), pp. 191–207. Rezhim dostupa: <https://rcin.org.pl/dlibra/publication/81483/edition/61770/content?ref=struct> (03.09.2021).

About the authors:

Nataliia I. Dmitrieva, Deputy Director and a Teacher of music-theoretical disciplines at the Ulan-Ude Children’s Art School No. 4 of the Republic of Buryatia (670000, Ulan-Ude, Russia), **ORCID: 0000-0003-0323-7866**, enidmitrieva@mail.ru

Ekaterina K. Karelina, D.Sc. (Arts), Professor at the Music Education Department of Novosibirsk State M.I. Glinka Conservatoire (630099, Novosibirsk, Russia), **ORCID: 0000-0002-1927-2845**, ye_karelina@mail.ru

